

Национальные отношения. ИЗДЕРЖКИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор: Э. А. ПАИН

Ныне, увы, стало привычным давать в основном негативные оценки периоду российских реформ 1990-х гг., а говоря шире - модернизационным изменениям, произошедшим с нашим обществом. Будучи противником огульного очернения этого хронологического отрезка как, якобы, времени "тотального поражения", "национального позора" или "катастрофы", я все же считаю, что модернизация "по Ельцину" была сопряжена с изрядным количеством издержек, в том числе в сфере федеративных отношений и этнической политики. Среди их многочисленных негативных последствий следует выделить ряд сдвигов в общественном сознании, особенно - ослабление массовых установок на обновление социума и универсальные ценности при одновременном распространении взглядов, в совокупности называемых *традиционализмом* или, точнее, *неотрадиционализмом*, характерным проявлением которого в этнополитической сфере стал рост ксенофобии (см. [Гудков, 2002; Паин, 2003]).

Относительно феномена неотрадиционализма в отечественной политологии и социологии сложились две крайние позиции. Сторонники одной из них, признавая нынешнюю популярность данного течения, связывают ее с некими извечными особенностями русской ментальности. Их оппоненты, напротив, вовсе отрицают массовое распространение традиционализма, трактуя его как сугубо элитарную идеологию. Наличие столь полярных точек зрения и побуждает меня к дискуссии относительно направлений социальной эволюции России.

Вектор развития российского общества

Итак, имеется точка зрения, что "вектор развития российского общества вопреки распространенному мнению явно направлен в сторону, противоположную традиционализму... Дальнейшая модернизация блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не готовой и не способной управлять свободными людьми" [Кутковец, Клямкин]. При всем уважении к авторам приведенного утверждения, не могу в полной мере согласиться с ними. Возможно, их утверждение верно применительно к некой длительной исторической перспективе, однако анализ текущей ситуации показывает, что по крайней мере в сфере национально-государственного строительства усиливаются как раз традиционалистские тенденции.

Неоднозначен и ответ на вопрос, в какой мере массовое сознание блокирует процесс модернизации. Ценностные ориентации россиян в последние годы, действительно мн *Эмиль Абрамович - доктор политических наук, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращения экстремизма Института социологии РАН.*

Таблица 1

"Государство и мы" (в %)

Позиции	1989 г.	1999 г.
Государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то	5	1
Государство дает нам немало, но можно требовать большего	10	6
Государство дает нам так мало, что мы ему ничем не обязаны	7	38
Государство в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы	38	17
Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам	27	37
Другое	1	2

Источник: [Левада, 2000, с. 442].

но, изменились и по своим базовым характеристикам сегодня ближе к модернизму, чем к традиционализму. Во всяком случае бытующие представления о якобы извечной предрасположенности русских людей к державности (имперской модели государственного устройства) не подтверждаются специальными исследованиями, в частности мониторингом социологов, возглавляемых Ю. Левадой (см. табл. 1).

Безусловно, приведенные данные можно трактовать как "подтверждение тенденции: меньше требований к государству и меньше готовности жертвовать ради него чем-либо, резкий рост настроений обособления от государства, ощущения, что люди должны служить ему, а оно - им". Более того, изучение многочисленных литературных источников позволило отобрать по десятку наименований наиболее часто повторяющихся традиционных русских и советских ценностей. Их анализ показал, что успешное, хотя и противоречивое развитие капитализма в России перед революцией 1917 г. либо преодолело, либо трансформировало ядро традиционной российской ментальности. Народные традиции, которые возникали вследствие зависимости русских селян от климатических условий ("рваный" ритм труда, чрезмерные, но краткосрочные напряжения), во многом лишились своих основ. Далее, уже в советское время урбанизация и индустриализация (а к началу 1990-х гг. две трети населения России жили в городах, и более половины, включая сельских жителей, в индивидуальных квартирах с минимальным уровнем благоустройства) еще более потеснили патриархальные общинные коллективистские ценности и стимулировали рост индивидуализма. Радикальная смена демографического поведения - переход от быстрого роста населения при высоких показателях рождаемости и смертности к его замедлению при снижении соответствующих показателей - стимулировала рост ценности человеческой жизни [Ясин, 2004, с. 54]¹.

Но поскольку упомянутым позитивным подвижкам сознания сопутствует рост массовой тревожности, ксенофобии и даже националистического экстремизма, то нельзя не признать: по другим параметрам актуальные настроения большинства населения сегодня качнулись именно в сторону традиционализма. А он оказывает негативное влияние не только на характер межнациональных отношений, но и на всю политическую ситуацию в обществе, и соответственно - на перспективы дальнейшей модернизации. Если страхи и фобии станут лейтмотивом гражданской жизни, возникнет фон

---

¹ К аналогичным выводам приходят и другие исследователи. По некоторым расчетам, убежденные сторонники традиционалистских ценностей - таких как доминирование государства над личностью, патернализм и закрытость страны - составляют менее 7% респондентов, а их резерв невелик - 22%. Сторонники же модернистской альтернативы (приоритет интересов личности, ее самостоятельность и ответственность за свою жизнь, открытость страны) составляют 33% населения при большем по численности резерве - 37% [Кутковец, Клямкин].

для общей дестабилизации политической ситуации в стране. В таких условиях возрастает **опасность усиления авторитаризма, востребованного обществом в качестве "избавителя от страха"** .

И было бы совершенно не верно объяснять тенденцию к росту этнофобий только влиянием элит, националистических активистов и соответствующей пропаганды. Возможности манипуляции массовым сознанием, в том числе и "конструирования этнических стереотипов", ограничены множеством факторов. Назову лишь некоторые из них:

- величина, масштабность и уровень сплоченности общности: малые, локализованные группы легче поддаются манипуляции, чем большие, расселенные на значительных пространствах и слабо сплоченные общности;

- уровень развития социальных институтов и среды обитания: чем менее архаична социальная организация самой группы и меньше традиционных черт сохраняет среда ее обитания, тем менее она поддается внешнему конструированию и более склонна к саморазвитию;

- временные границы и стадии развития инерционных процессов: роль этнических лидеров велика лишь на начальном этапе этнических фобий, затем они утрачивают контроль над массовым сознанием, теряют возможность его "конструирования" и, зачастую, сами становятся заложниками уже сформировавшихся общественных настроений и раскручивающегося маховика ксенофобии. Но, самое главное, этот маховик запускается не только посредством спекулятивных манипуляций общественным мнением: огромное значение имеет социальный контекст.

Социальные корни ксенофобии

Взросшая поляризация социальной структуры, образовавшаяся в постсоветские годы, и огромный разрыв между верхними и нижними ступенями социальной лестницы уменьшают возможности плавной мобильности людей по вертикали. Это порождает у населения чувство неуверенности, рост страхов, одно из проявлений которых - ксенофобия. В формировании чувств настороженности, страхов и разочарования существенную роль сыграли разнообразные проявления социального неблагополучия (рост коррупции и других форм преступности, периодически повторяющиеся невыплаты зарплат и пенсий, серьезные экономические кризисы, дефолт 1998 г.), особенно ощущаемого жителями малых и средних населенных пунктов, чья экономическая база восстанавливается медленнее, чем в крупных городах. Все это отражается в социологических исследованиях, показывающих, что при общем чрезвычайно высоком уровне подозрительности и отрицательного отношения, например, к иноэтническим мигрантам, в малых и средних городах они выражены сильнее, чем в крупных, не говоря об обеих столицах России. Лишь одна группа опрошенных - предприниматели - продемонстрировала существенно меньшую недоброжелательность к таким приезжим, хотя в ней 50% респондентов заявили о своем "скорее отрицательном" и "резко отрицательном" отношении к ним. Впрочем, предпринимательское сословие России весьма невелико, тогда как в самых многочисленных социальных слоях (рабочие, служащие и пенсионеры) показатели ксенофобии превышают 65% [Гудков, 2003].

В лидирующей по уровню этнического негативизма группе оказалась и учащаяся молодежь. Это неожиданный результат, ибо среди исследователей этнофобий почти аксиомой считается представление о том, что молодые меньше склонны к ксенофобии, чем люди пожилого возраста. Так было и в нашей стране еще 5 - 6 лет назад, однако сегодня ситуация изменилась (см. табл. 2). Как видно из этой таблицы, былая зависимость роста уровня этнофобий по мере увеличения возраста опрашиваемых наблюдается сегодня только если начать отчет с группы в возрасте 25 - 39 лет, то есть с тех, кому в начале 1990-х гг. было менее 24 лет. Зато нынешняя молодежь демонстрирует даже больший уровень фобического мировосприятия, чем представители самой пожилой из представленных в таблице групп. Нельзя объяснить это только большей возбудимостью молодежи, поскольку такая, вполне естественная особенность возрастной

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос, представляют ли угрозу безопасности России проживающие в ней люди нерусских национальностей (в %)

Возраст	Доля ответов "большую угрозу" и "некоторую угрозу"
18 - 24 года	58,7
25 - 39 лет	52,3
40 - 54 года	53,6
55 лет и старше	58,5

Источник: [Опрос... 2000].

психологии проявлялась и раньше. Однако в начале 1990-х гг. она обуславливала наивысший уровень этнической толерантности, а ныне - этнических фобий и страхов.

Парадоксальное, казалось бы, усиление страхов в ситуации, когда социально-экономические показатели страны, как минимум, не стали хуже, по сравнению с "революционным" периодом, связано во многом с тем, что ксенофобия сама по себе становится **системным фактором**. По мере ее роста этнические различия воспринимаются острее, чем социальные и политические, происходит корректировка выбора ответственных за "наши" беды. Если в ельцинский период социальные проблемы политизировались, то есть вину за них возлагали на власти или на стоящих за ними олигархов, то сейчас эти вещи все чаще этнизируются - ответственность переносится на "чужие" этнические общности.

Травмирующее воздействие на настроения большинства оказывают и этнодемографические процессы. Продолжающееся уже более четырех десятилетий, но ставшее заметным в последние годы уменьшение доли русских на фоне быстрых темпов роста этносов, часто объединяемых под общим названием "исламские народы" (точнее "народы, исторически связанные с исламской традицией"), воспринимается болезненно. Когда этническое большинство ощущает угрозу утраты своего статуса или реально теряет его на некоторых территориях - это, как правило, усиливает националистические настроения. Напомню, что в начале XX в. самое воинственное направление великорусского шовинизма - "Черная сотня" и др. и лозунг "Россия - для русских", появились как раз на тех территориях Российской империи, где русское население было в меньшинстве и проигрывало в приросте местному (Молдавия, Украина). И в нынешние времена наибольший рост русского национализма наблюдается в южных регионах страны, где изменения соотношения между большинством и меньшинством особенно заметны. Националистическая пропаганда, представляющая демографические сдвиги (наряду с распадом СССР, федерализацией и экономическими реформами) как "геноцид русского народа", там более востребована. И это сублимирует остроту и без того болезненного восприятия демографических перемен.

Наибольшее влияние на рост ксенофобии в России оказала и продолжает оказывать война в Чечне, сама ставшая следствием незавершенности и непоследовательности реформы федеративных отношений и неопределенности этнической политики. Чеченская война - это системный фактор в жизни нашего общества, влекущий за собой множество следствий, не сводимых только к попыткам определенных политических сил использовать ее как инструмент реанимации в нашей стране "мобилизационного общества". По некоторым оценкам, за две кампании через горнило Чечни прошли уже около полутора миллионов человек из разных районов России - военнослужащих (постоянных и временно командированных) и гражданских лиц, занятых в обеспечении армии, МВД, сил безопасности и др. [Чечня... 2002, с. 14 - 21]. Немалая часть из них вернулась оттуда с расстроенной психикой, высоким уровнем агрессивности ("чеченский синдром"). Не случайно в российских тюрьмах сейчас чрезвычайно высока доля

заклученных, совершивших преступления после возвращения из армейских частей, дислоцированных в Чечне.

В понятие "чеченский синдром" входит и рост ксенофобии, особенно античеченских настроений. "Для большинства русских людей чеченец ни больше, ни меньше, как разбойник, а Чечня - притон разбойных шаек" [Росскова, 1896]. Хотя данная фраза была сказана в конце XIX в., и уже тогда подобные взгляды определялись автором как невежество, сегодня эта оценка выглядит цитатой из современного социологического опроса. Так, почти три четверти россиян убеждены, что чеченцы понимают только "язык силы", а попытки говорить с ними "на равных" воспринимают лишь как слабость другой стороны [Опрос... 2002].

Чеченский кризис усугубляет атмосферу тревоги в обществе. Подавляющее большинство россиян (68%) уверены, что следующее поколение чеченцев будет еще более враждебно по отношению к России, чем нынешнее. Еще больше наших сограждан (78%) испытывают страх перед возможностью уже в ближайшее время стать жертвой террористических актов со стороны чеченских боевиков. Подобные ощущения стали поводом для демонизации чеченцев, которым приписывают почти биологическую ненависть к русским ("это у них в крови, в генах", "они всегда ненавидели русских" и др.) [Общественное... 2002, с. 108 - 109].

Этнофобии вдобавок обладают высокой инерционной устойчивостью и могут долго удерживаться в массовом сознании даже после исчезновения реальных причин, их породивших. Поэтому даже если удастся со временем благополучно разрешить чеченский кризис, эхо его последствий, несомненно, будет весьма продолжительным. Причем ксенофобия неуправляема в том смысле, что ее невозможно направить только на один "враждебный этнос": она, как правило, распространяется на широкий спектр "чужих народов". Не случайно за первые годы президентства В. Путина возросло количество негативных оценок не только чеченцев, но и более чем половины этнических общностей, включенных в опросные листы ВЦИОМ. Это еще не тенденция, но уже опасность.

Рост этатизма в стране, усиление надежд на "сильную руку" также во многом связаны с чеченской войной. Она же определила и усиление влияния генералитета и высшего офицерства армии, МВД и сил безопасности на политическую жизнь страны. Так, два из семи полпредов президента в федеральных округах (генералы В. Казанцев и К. Пуликовский) - полководцы чеченской войны. Еще один ее участник - генерал В. Шаманов стал губернатором Ульяновской области, а чеченский главком Г. Трошев - советником президента. В высшем военном руководстве страны уже целая плеяда "чеченцев"; особенно заметна роль бывшего начальника Генштаба А. Квашнина, чрезвычайно высоко оцениваемая "патриотической" прессой, которая приписывает ему заслугу превращения этой структуры в "по сути своей РУССКИЙ, ГОСУДАРСТВЕННИЧЕСКИЙ институт" [Шурыгин, 1999]. Данные факты позволяют социологам называть политическую элиту страны времен Путина "милитократической" (см. табл. 3).

Приведенные в этой таблице материалы интересны с точки зрения рассматриваемых проблем, прежде всего демонстрацией изменений соотношения в составе политической элиты людей с учеными степенями, которые характеризуются как наиболее модернистически настроенная и толерантная часть общества, и военнослужащих, оцениваемых в уже упоминавшихся исследованиях ВЦИОМ как часть общества с наиболее выраженными чертами традиционализма. В сравнении с эпохой Ельцина доля ученых сократилась в 2,5 раза, а доля военных почти на столько же возросла.

Весьма репрезентативен и отмеченный многочисленными социологическими исследованиями факт, что среди военнослужащих и сотрудников МВД отмечается самый высокий уровень ксенофобии. Так, в уже упоминавшемся исследовании ВЦИОМ об отношении к иноэтническим мигрантам представители указанной группы продемонстрировали рекордно высокий негативизм - 73%. На первый взгляд, такой результат кажется неожиданным, ведь эта категория наших сограждан меньше других испытывает конкуренцию со стороны приезжих в трудовой или бытовой сфере. Но пред-

Таблица 3

Изменение характеристик элиты в периоды президентства Б. Ельцина и В. Путина*

Характеристики	Ельцинская элита	Путинская элита
Средний возраст (лет)	51,3	51,5
Доля женщин (%)	2,9	1,7
Доля выходцев из сельской местности (%)	23,1	31,0
Доля лиц с высшим образованием (%)	99,0	100
Доля лиц, имеющих ученую степень (%)	52,5	20,9
Доля получивших военное образование (%)	6,7	26,6
Доля получивших экономическое и юридическое образование (%)	24,5	25,7
Доля получивших образование в элитных вузах (%)	35,4	23,4
Доля земляков главы государства (%)	13,2	21,3
Доля ставленников бизнеса %	1,6	11,3
Доля военных (%)	11,2	25,1

* Данные исследований российской элиты, проводимые сектором изучения элиты Института социологии РАН с 1989 г. по настоящее время. К элите были отнесены: члены Совета безопасности РФ, депутаты обеих палат Федерального собрания РФ, члены Правительства РФ, главы субъектов Российской Федерации, соответственно, 1993 и 2002 гг. [Крыштановская, 2002, с. 158 - 180].

ставители данной социальной группы рассуждают иначе, чем другие. Они чаще мотивируют свое отношение не с позиций индивидуализма ("мне станет хуже"), а исходя из своего понимания общественных интересов. Именно представители армии, МВД и служб безопасности чаще других объясняли свое негативное отношение к иноэтническим мигрантам следующими соображениями: "они ведут себя нагло и агрессивно", "они опасны", "большинство преступлений совершается приезжими". Впрочем, история многих стран мира - Франции во время "дела Дрейфуса", Германии и Италии в 1920 - 1940-х гг., Греции в период правления "черных полковников" - показывает: с усилением влияния армии на политическую жизнь страны в обществе нарастает национализм.

Рост доли военных в составе элиты в эпоху Путина по сравнению с эпохой Ельцина вызван не только тем, что к власти пришел бывший офицер, который больше доверяет представителям своей корпоративной группы. Куда важнее фактор изменения политической стратегии. Если поставлена задача "выстроить общество в шеренгу", то никто лучше генералов с ней не справится. Однако тенденция к милитаризации элиты объясняется не только интересами и целями нынешней власти. Нельзя забывать и о том, что значительная часть политической элиты - народные избранники. И их избрание не сводимо только к эффекту так называемого "административного ресурса": во многом оно обусловлено и нынешним состоянием массового сознания. Пятнадцатилетний мониторинг ВЦИОМ показывает, что с середины 1990-х гг. в России наблюдается сужение зоны доверия к основным социально-политическим институтам. В настоящее время в нее входит лишь президент (в личном качестве, как правитель, а не как институт), церковь и вооруженные силы, включая военнослужащих ФСБ, а из структур гражданского общества - только СМИ. Доверие же к правительству, парламенту, не говоря уже о политических партиях, крайне низкое [Общественное... 2002, с. 42].

Таким образом, социологические исследования, на мой взгляд, подтверждают мнение о неотрадиционализме как феномене не только элитарного, но и массового сознания. Вместе с тем я полагаю, что сегодня мы имеем дело всего лишь с временными переменами общественных настроений, отражающих колебания "этнополитического маятника" [Паин, 2004, с. 248 - 262]. В немалой мере обозначенные изменения массового сознания были обусловлены дефектами модернизационного процесса в постсоветской России.

" Особый путь развития России" с позиций неомодернизма

Сомнения в обоснованности модернизационной модели, использованной нашей страной, оправданы уже потому, что во всем мире происходит переосмысление самой теории модернизации. Она подверглась серьезной критике еще на рубеже 1960-х - 1970-х гг., когда классической версии модернизма (У. Ростоу, К. Керр, С. Хантингтон) ставилось в вину эмпирическое несоответствие ее постулатов с реальностью, наблюдаемой в странах "третьего мира", особенно африканских, попытки модернизации которых зачастую не приводили к ожидаемым результатам. В теоретическом плане отмечался архаизм концептуального аппарата первых версий модернизма, восходящих к эволюционистским представлениям XIX в. (Г. Спенсер, Э. Тейлор, Л. Морган) об однолинейности исторического развития и жесткой универсальности для всего человечества целевых моделей организации общества. Одним из ответвлений такого эволюционизма был и марксизм². Факт его концептуального пересечения с классическим модернизмом мне кажется важным еще и потому, что многие нынешние российские реформаторы основывали свои взгляды не только на идеях раннего модернизма, инкорпорированного в экономические концепции Дж. Сакса, А. Аслунда, Л. Бальцеровича, но и, невольно, на усвоенных со школьной скамьи идеях марксистского эволюционизма.

На рубеже 1970-х - 1980-х гг. казалось, что модернизм будет окончательно вытеснен постмодернизмом, по сути, отказавшимся от самого принципа прогрессивного развития. Но в середине 1980-х гг. характер научных дискуссий резко изменился: началось возрождение модернистских концепций, связанное прежде всего с переменами мировой геополитической обстановки, особенно с появлением посткоммунистических обществ с их стремлением "войти", или "вернуться" в Европу (то есть в современный западный мир). Впрочем, недостаточно сводить все это к вновь возникшему политическому спросу на идеи модернизации. Значительную роль в их обновлении сыграла теоретическая критика, которая опиралась на появившуюся эмпирическую базу, достаточную для выводов о специфических и универсальных закономерностях модернизационных процессов. Открылся континуум обществ: с давними историческими традициями модернизации; переживших социалистическую модернизацию; немодернизированных или архаичных; и на основе его сравнительного анализа стала формироваться концепция *неомодернизма* (сторонником которой являюсь я).

Неомодернизм, освобожденный от всех наслоений классического эволюционизма, не отстаивает какую-то единственную конечную цель развития, допуская обратимость характера исторических изменений. Модернизация рассматривается теперь как исторически ограниченный процесс, узаконивающий универсальную целесообразность лишь ограниченного набора институтов и ценностей, таких как "демократия, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплина, трудовая этика". В такой редакции модернизм избавился и от привкуса сугубо западной модели, и хотя значение "демонстрационного эффекта" как важнейшего стимула к обновлению не отрицается, вместо единого образца для подражания выдвигается принцип "движущихся эпицентров современности". Например, для Украины образцом в каких-то сферах модернизации может быть не Америка, а, скажем, Польша или Венгрия, а в других - Россия или Япония. Главный же постулат неомодернистской концепции - признание возможности многолинейного исторического развития, в котором модернизация осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и специфики проблем, с которыми они сталкиваются [Штомпка, 1996, с. 179, 184].

---

² Впрочем, К. Маркс, столкнувшись с неудобствами жесткого универсализма своей конструкции из пяти исторических формаций, изобрел особый "азиатский способ производства", ибо никак не мог приспособить к ней особенности архаичных обществ.

Ответ на вопрос, в какой мере такая версия модернизма совместима с утверждениями традиционалистов о неизбежности "особого пути развития России", зависит от того, что под ним понимается. Если речь идет о стратегическом направлении движения к архаизации страны, возвращению ее в авторитарное прошлое, то упомянутый лозунг абсолютно противоположен идеям неомодернизма. Если же подразумевается вариация моделей и технологий обновления, темпов, последовательности и средств движения, то он вполне совместим с новыми веяниями в модернизме. Нет нужды доказывать, что Россия имеет свои особенности, даже по сравнению с типологически близкой ей группой посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы. Они обусловлены не только огромными масштабами страны и наследием милитаризированной советской экономики, но и спецификой социальных ресурсов модернизации: меньшим удельным весом предпринимательства; более слабыми основами гражданского общества; спецификой этнополитической ситуации в России и ее федеративным устройством и пр.

Издержки модернизации в России

Все эти реалии, к сожалению, не в полной мере учитывались в ходе проведения реформ. Не имея возможности дать комплексный анализ современной фазы российской модернизации, я остановлюсь лишь на двух ее дефектах, в наибольшей мере связанных с этническими аспектами политики реформирования.

Модернизация "сверху" и отсутствие учета баланса этнических интересов. Петр I мог проводить ее именно так, мог рубить головы стрельцам или стричь бороды боярам, поскольку опирался на общественное представление о легитимности воли монарха. И. Сталин также имел возможность осуществлять модернизацию "сверху" (не буду оценивать ее результаты), опираясь на силу репрессивного аппарата, народный страх, а еще больше - на полную закрытость общества, которое не знало, что "так жить нельзя". Ныне же у власти нет действенных инструментов для того, чтобы выстроить общество в шеренги и направить их по тому или иному пути. Мониторинг ВЦИОМ показывает, что с середины 1990-х гг. лишь война в Чечне оставалась фактором политической мобилизации российского общества [Общественное... 2002, с. 45]. Однако преобразования на волне страхов и фобий недолговечны, а главное, их конструктивный потенциал крайне невелик. При отсутствии иных ресурсов, одной лишь воли элит недостаточно для того, чтобы модернизировать страну. В таких условиях модернизация может быть успешной, только если станет "своей" для масс, будет отражать их жизненные интересы. В этом случае народ будет не только требовать продолжения реформ, но и сам проводить их. Однако в реальности реформы проходили в лучшем случае при непротивлении населения, но не при его поддержке. Со временем отчуждение нарастало, и, наконец, даже сами слова "реформы" и "реформаторы" приобрели в массовом сознании преимущественно негативное звучание. С ростом восприятия реформ как "антинародных", как "поражения", росла и ксенофобия: если люди не в состоянии самоутвердиться в достижениях, они компенсируют это возложением вины на других или приписыванием им недостатков.

Большинство из перечисленных мной социальных причин ксенофобии скорее всего были неизбежными. Я не знаю, можно ли было в 1990-е гг. сделать разрыв между "верхами" и "низами" общества не таким зияющим, а ступени между социальными стратами - более дробными. Демографический кризис - вообще не результат, а сопутствующее условие реформ, и здесь в вину либералам-реформаторам можно поставить лишь их безучастность к попыткам националистических сил представить демографические проблемы как следствие "геноцида русского народа". Но чеченская война - явление преимущественно рукотворное, и, конечно, определенную ответственность за нее (прямую и косвенную) либералы-реформаторы несут. Однако этот сюжет ввиду своей сложности и деликатности требует специального разговора, поэтому я остановлюсь лишь на тех просчетах архитекторов реформ, которые кажутся очевидными.

Попытки сделать реформы народными, "своими", заинтересовать каждого отдельного индивида в преобразовании общества, конечно, предпринимались, но их трудно назвать успешными. Скажем, ваучерная приватизация по своему замыслу должна была превратить каждого российского гражданина в совладельца бывшей государственной, а ныне приватизированной собственности. Однако подавляющее большинство людей до сих пор ничего не получило за свой ваучер. Зато очень многие потеряли накопленные в советский период сбережения в огне гиперинфляции 1991 - 1992 гг.; затем последовали потери, связанные с крушением финансовых пирамид типа МММ и, наконец, с дефолтом 1998 г. Никто из лиц, ответственных за такую экономическую политику, своей вины за материальные потери населения не признал. Напротив, все чаще можно услышать, например, оправдания дефолта тем, что он стимулировал новый подъем экономики. Возможно, это так, но стоило бы для баланса подсчитать и потери для реформ, к которым привела эта акция. Они проявились, в частности, в усилении недоверия людей к власти реформаторов, в восприятии ее как "чужой", "антинародной" и, одновременно, в росте положительного отношения к традиционалистской альтернативе реформам.

Вообще "небалансовое" мышление, то есть подсчет лишь выгод, достигнутых в одних сферах, без оценки потерь в других - весьма характерная черта нынешней российской общественной мысли, в том числе и ее либерального направления. По крайней мере, баланс этнических интересов совершенно не принимался во внимание ни архитекторами реформ, ни поддерживавшими их кругами российской интеллигенции.

Нужно признать, что на первом этапе реформирования меньше всего учитывались интересы этнического большинства. В условиях его относительной пассивности власти относились к нему по принципу: "терпит, не бунтует, и слава богу". Либеральная интеллигенция обращалась к русскому народу разве что с предложением повиниться перед меньшинствами за преступления империи, которые его нынешняя генерация не совершала. Это предложение сомнительно во многих отношениях: во-первых, у подданных не может быть ответственности, во-вторых, русские (причем не только "кулаки", казаки, дворяне или духовенство, но и крестьяне, рабочие и интеллигенция) пострадали от тоталитарного аппарата и его репрессий не меньше других народов. В то же время крайне мало внимания уделялось актуальным проблемам этнического большинства, например, этнокультурным аспектам миграции, в которой основным субъектом были русские, составлявшие три четверти всего миграционного притока.

В либеральных кругах относились с определенной настороженностью и к проблемам русской диаспоры, рассматривая политику в этой сфере чуть ли не как проявление империализма, хотя в совершенно прозападной Венгрии аналогичная проблематика была одним из знаковых признаков политики всех правительств этой страны в постсоциалистический период. Совершенно не разрабатывалась типологически сходная с ней проблема русских как меньшинств в республиках РФ при одновременной идеализации уровня демократичности движений национальных меньшинств и игнорировании авторитарно-традиционалистских проявлений политики национальных элит некоторых российских республик (замечу, что сейчас характерна другая крайность: традиционализм национальных элит безмерно утрируется).

В начале 1990-х гг. в интеллигентских кругах также господствовало весьма сомнительное, на мой взгляд, представление о принципах национального самоопределения меньшинств. Такая его форма, как сецессия (создание независимых государств, то есть распад существующих), рассматривалась в качестве желаемой цели или нормы, а не "наименьшего зла" в некоторых чрезвычайных ситуациях. Seriously обсуждалась в то время и концепция "упреждающего распада России" или "направленного взрыва" - подготовленного "сверху", не допускающего кровопролития, раздела Федерации на несколько самостоятельных государств. Проработка этой абсолютно утопичной схемы показывает, что специфика интересов этнического большинства просто не попадала в поле зрения мыслителей. Спрашивается: почему русские люди могли быть заинтересованы в расчленении независимыми государствами единого ареала своего расселения и какой

другой этнической общности, будь она на месте русских, такая перспектива могла бы понравиться³ ?

В процессе федерализации как составной части политических реформ в России этнические меньшинства удовлетворили часть своих интересов, расширив и укрепив самостоятельность их автономий. Что же касается этнического большинства, то его потребность в федерализации страны не была столь очевидной, по крайней мере - на первый взгляд. Но никто и не пытался объяснить народу, что в исторически сложившейся ситуации именно федеративное устройство страны было оптимальной формой учета баланса этнических интересов ее жителей, когда сообщества меньшинств получали автономии, а большинство удовлетворяло свой главный интерес - сохранение целостности территории и единого контролируемого ареала своего расселения. Дефицит объяснений целесообразности федерализации не только для меньшинств, но и для большинства, и одновременно избыток ее критики с позиций русского национализма усиливал дезориентацию масс. Если даже президент Путин в своем первом послании Федеральному собранию не делал различий между децентрализацией и дезинтеграцией страны, то приходится ли удивляться тому, что массы и вовсе воспринимали ее как односторонние уступки "националам", как хаос и начало распада России. В таких условиях доминирующий этнос не мог признать федеративную реформу, как, впрочем, и другие модернизационные изменения, "своими".

Технократизм, однолинейность концепции модернизации и отсутствие ее проекта. В ответ на весьма распространенные ныне упреки архитекторам реформ в том, что экономическая составляющая модернизации оторвалась от своих социально-культурных тылов, обычно слышится ответ: "Ну и что же - поправим дело на следующих этапах". Разумеется, многое можно поправить, хотя и с большими издержками, однако беспокоит другое: проглядывающее сквозь этот ответ эволюционистское (марксистское) представление о том, что экономические, политические и социально-культурные процессы непременно движутся в одном направлении, только с разными скоростями. А коль скоро экономика подталкивает развитие других сфер, социально-культурные преобразования, не осуществленные сегодня, можно сделать завтра, возможно, даже с большим успехом, ибо экономическое положение улучшится (почти по Марксу: "производительные силы неизбежно приведут к изменению производственных отношений").

В реальности же успехи экономики могут сочетаться с противоположными, откатными движениями в политике и в настроениях масс, тормозящими общий ход модернизации. Например, не вызывает сомнений необходимость развития в России местного самоуправления, без которого модернизации "снизу" не получится. Однако модернизировать и либерализовать местное самоуправление сегодня, когда оно все больше пристегивается к вертикали власти, труднее, чем в эпоху Ельцина. Ныне все чаще и настойчивее говорится, что на втором этапе реформ дальнейшее развитие модернизации страны будет блокироваться (или даже "модернизация по-настоящему не тронется с места") без решения проблем концентрации власти и собственности, преступности, коррупции. А "успех в этой сфере обусловлен реальными изменениями в системе ценностей, неформальных институтов, в культуре" [Ясин, 2003, с. 12].

В подобном контексте возникает вопрос о реализации данных идей в нынешних условиях. Понятно, что изменений в системе ценностей и культуры нельзя достичь *PR*-

---

³ Многочисленные этносоциологические исследования, проведенные как в России, так и в других странах, показывают, что с ростом этнического самосознания у меньшинств усиливаются автономистские требования, а у доминирующего этноса - требование сохранения целостности страны. Этническое большинство по определению не заинтересовано в борьбе за автономию и тем более - в распаде страны, поэтому идеи "великорусского сепаратизма" или "русской республики" как автономии доминирующего этноса в пределах преимущественно русского же по своему национальному составу государства - нонсенс [Дробизева, Паин, 2003, с. 254 - 257].

кампаниями, для этого нужны серьезные преобразования в системе народного образования. Но кто же сегодня допустит либералов к таким преобразованиям, когда власть, а за ней школа и вузы, сильно качнулись в сторону традиционалистской идеологии? По этой же причине и СМИ сегодня менее, чем в предшествующую эпоху, пригодны для распространения идей модернизма. Но даже не зная всего этого и делая проект модернизации России как бы "с чистого листа", на основе здравого смысла, все равно идеологическую и ценностную подготовку населения следовало бы отнести не на второй и даже не на первый ее этапы, а на некий нулевой цикл. Компания "Форд", например, перед тем, как начать производство автомобилей в Ленинградской области, позаботилась о подготовке кадров, по крайней мере стартовой команды.

Впрочем, я далек от мысли упрекать кого-либо в отсутствии заранее разработанного проекта модернизации России - на рубеже 1980-х - 1990-х гг. его просто не могло быть. Тем нужнее он сейчас: элитам - как план действий, программа группирования и эшелонирования преобразований во времени, массам - как источник просвещения и средство поиска ответов на весьма сложные проблемы модернизации. Для России социально-культурная подготовка населения к модернизации даже важнее, чем для многих других стран бывшего социалистического лагеря. Например, в период коренной ломки всего общественного устройства в государствах Восточной Европы, так же как и у нас, усилился этнический национализм. Однако его особенностью было то, что он формировался как антисоветский и, следовательно, прозападный. Однозначный же выбор элитами бывших социалистических стран Запада в качестве политического и экономического ориентира оказал блокирующее влияние на развитие там как этнического фундаментализма (с ним на Запад не пускают), так и на возможность возрождения идей "социалистического пути" [Дубин, 2003, с. 141]. В России же такого естественного барьера для возвращения к советскому традиционализму нет, следовательно, у нас больше, чем где бы то ни было, нужны рациональные обоснования того, что "так жить нельзя", и одними лишь лозунгами, как на заре перестройки, здесь не обойтись.

Далее, в отличие от ее бывших "солагерников", в России нет почти иррационального (или, скажем, логического) народного стремления "вернуться в Европу". Напротив, национализм здесь исторически развивался (еще со времен его славянофильской версии) как оппозиция Западу. Это антизападничество особенно усилилось в советское время, поэтому его рецидивы в виде периодически вспыхивающих соответствующих настроений можно было предвидеть. Тем, кто предлагает осуществить в России модернистский проект, следует ориентироваться не столько на "демонстрационный эффект" ("будем жить, как на Западе"), сколько на рациональное, детальное и убедительное доказательство того, что этот проект лучше остальных и что он в большей мере соответствует интересам всех социальных групп и этнических общностей именно нашей страны.

* * *

Итак, основные мои выводы могут быть сведены к следующему:

- во-первых, есть все основания оспаривать спекулятивные построения теоретиков неотрадиционализма о некой ментальной предрасположенности русского народа к таким особым формам политической организации общества, в которых должны преобладать авторитарные механизмы государственного управления и некая имперская державность. Однако невозможно отрицать, что в современной России существуют ситуативно обусловленные (следовательно, преодолимые в принципе, возможно, уже в недалекой перспективе) границы политической модернизации, блокируемой ныне не только националистически или этатистски ориентированной элитой, но и настроениями масс;
- во-вторых, можно и нужно не соглашаться с доводами наиболее ортодоксальных традиционалистов о якобы фатальной невозможности для нашей страны осуществить модернизацию. Однако стоит прислушаться к тем, кто ставит под сомнение не прин-

тип модернизации как таковой, а всего лишь совершенство той ее модели, которая сложилась в постсоветский период, во многом стихийно, без предварительной проектной проработки и учета отечественной специфики, в том числе в этнополитической сфере;

- в-третьих, российское общество может и должно быть адаптировано к модернизации, в том числе за счет специальных программ социально-культурной подготовки населения. Однако и сама модернизация должна приспособиться к особенностям нашего социума - как историческим, так и сложившимся в нынешней ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Л. Д. Динамика этнофобий в России последнего десятилетия // Национальные меньшинства в Российской Федерации. М., 2003.

Гудков Л. Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.

Дробизева Л. М., Паин Э. А. Особенности этнополитических процессов и этнической политики в современной России // Политические и экономические преобразования в России и Украине. М., 2003.

Дубин Б. Запад для внутреннего пользования // Космополис. 2003. N 1.

Крыштановская О. В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. N4.

Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // www.liberal.ru/sitan.asp?Num=257.

Левада Ю. А. От мнений к пониманию. М., 2000.

Общественное мнение - 2002. По материалам исследований 1989 - 2002 гг. М., 2002.

Опрос ВЦИОМ ЭКСПРЕСС-15. 2000. 7 - 10 апреля // www.wicom.ru.

Опрос ВЦИОМ ЭКСПРЕСС-7. 2002. 26 - 29 июля // www.wicom.ru.

Паин Э. А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003.

Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.

Россикова А. Е. Путешествие по центральной части Горной Чечни // Записки Кавказского отдела И. Р. Г. О. Тифлис, 1896. Кн. 8.

Чечня и мир. Существует ли план окончания войны? "Круглый стол" в редакции "Новое время" // Новое время. 2002. 25 августа.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

Шурыгин В. Звезды генерала Квашнина // Завтра. 1999. 13 июля, (<http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/99/293/31/html>).

Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей // Модернизация экономики России: социальный контекст. В 4 кн. Кн. 1. М., 2004.

© Э. Паин, 2005